

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ /
INTELLECTUAL CULTURE OF THE HISTORICAL ERA

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79>
УДК 930.85

ПАЙЦЫ КАК ПРЕДМЕТ ПОЖАЛОВАНИЯ И МАРКЕР СТАТУСА
ПО ДАННЫМ «ЮАНЬ ШИ»

А.Ю. Завитаева

*Воронежский государственный университет,
394018, Московский просп., 88, Воронеж*

Аннотация

Введение. В статье представлено комплексное исследование института пайцзы (牌, pái) – металлических и деревянных пластин-идентификаторов, функционировавших в Монгольской империи как инструменты политической коммуникации и управления. Цель работы – реконструировать статусную иерархию, функциональную типологию и эволюцию пайцз на основе системного анализа 76 упоминаний иероглифа «пай» в официальной истории династии Юань («Юань ши»), а также установить институциональные параллели с практиками Орды и средневековой Руси. **Материалы и методы.** Исследование основано на историко-сравнительном и семиотическом методах. Проведена сплошная выборка фрагментов из «Юань ши» (цзюани 1–210), содержащих иероглиф 牌, с последующей классификацией по семантическим группам. Привлечены труды западноевропейских путешественников (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло) и китайских дипломатов (Сюй Тин). **Результаты.** Выявлена строгая корреляция между материалом, формой и декором пайцз и государственным рангом их обладателей: золотые пайцзы предназначались для высшей военной элиты, серебряные – для среднего звена управления, а специализированные типы (круглые, соколиные, по личному указу) выполняли узкоспециализированные функции. Определены пять ключевых функций пайцз: легитимация власти, военное поощрение, дипломатический инструмент, доступ к ямской системе и символ кризисной легитимности. Прослежена эволюция института от этапа централизации (XIII в.) через систематизацию и бюрократизацию (XIV в.) к кризису и девальвации (вторая половина XIV в.). **Заключение.** Установлены прямые институциональные параллели между китайской пайцзой, золотоордынской «байсой» и русской «басмой», что позволяет рассматривать данные явления как единый имперский стандарт, а не локальные особенности. Это создаёт методологическую основу для переосмысления археологических находок на территории России и реконструкции механизмов интеграции русских элит в систему монгольской имперской власти.

Ключевые слова: пайцза, Монгольская империя, «Юань ши», Золотая Орда, статусные маркеры, административная система, политическая коммуникация.

Для цитирования: Завитаева А.Ю. (2026). Пайцзы как предмет пожалования и маркер статуса по данным «Юань ши» // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 72-79 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20036 «Воронежский край в системе военно-политических отношений Средневековой Руси», <https://rscf.ru/project/26-18-20036/>

Статья поступила: 12.11.2025

Статья принята в печать: 12.02.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Завитаева А., 2026

PAIZI AS A GIFT AND STATUS MARKER ACCORDING TO THE «YUANSHI»

A.Yu. Zavitaeva

*Voronezh State University,
Moskovsky Ave., 88, Voronezh, 394018*

Abstract

Introduction. This article presents a comprehensive study of the paizi (牌, pái) institution – metal and wooden identification tablets that functioned in the Mongol Empire as tools of political communication and governance. The research aims to reconstruct the status hierarchy, functional typology, and evolution of paizi based on a systematic analysis of 76 mentions of the character “pai” in the official Yuan dynasty history (“Yuanshi”), and to establish institutional parallels with the practices of the Horde and medieval Rus’. **Materials and Methods.** The study employs historical-comparative and semiotic methods. A complete selection of fragments containing the character 牌 from the “Yuanshi” (was carried out, followed by classification into semantic groups. The works of Western European travelers (Plano Carpini, Rubruck, Marco Polo) and Chinese diplomats (Xu Ting) are also examined. **Results.** The analysis reveals a strict correlation between the material, form, and decoration of paizi and the government rank of their holders: golden paizi were intended for the highest military elite, silver ones for the middle management level, while specialized types (round, falcon, imperial decree) performed narrow functions. Five key functions of paizi are identified: legitimization of power, military reward, diplomatic instrument, access to the Yam postal system, and symbol of crisis legitimacy. The evolution of the institution is traced from the centralization stage (13th century) through systematization and bureaucratization (14th century) to crisis and devaluation (second half of the 14th century). **Conclusion.** Direct institutional parallels are established between the Chinese paizi, the Golden Horde’s “baisa,” and the Russian “basma,” allowing these phenomena to be viewed as a single imperial standard rather than local features. This creates a methodological basis for reinterpreting archaeological finds in Russia and reconstructing the mechanisms of integration of Russian elites into the Mongol imperial power system.

Keywords: paizi, Mongol Empire, Yuanshi, Golden Horde, status markers, administrative system, political communication.

For citation: Zavitaeva A.Yu. (2026). Paizi as a gift and status marker according to the «Yuan Shi» *In* History: facts and symbols, 2 (47), 72-79. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-72-79

Acknowledgments: The study was supported by grant No. 26-18-20036 from the Russian Science Foundation, “The Voronezh Region in the System of Military-Political Relations of Medieval Rus’,” <https://rscf.ru/project/26-18-20036/>

Received: 12.11.2025

Revised: 12.02.2026

Published: 10.06.2026

© Zavitaeva A., 2026

1. Введение

Официальная история династии Юань – «Юань ши» (元史) – представляет собой уникальный и систематизированный источник для изучения административной, военной и символической культуры Монгольской империи в её китайском воплощении. Историографический контекст исследования института пайцз в отечественной науке долгое время оставался фрагментарным, опиравшимся преимущественно на данные русских летописей и редкие археологические находки на территории Золотой Орды. Систематическое привлечение китайских источников, прежде всего «Юань ши», знаменует новый этап. Фундамент для сравнительного анализа был заложен трудами Р. П. Храпачевского, который не только перевёл и прокомментировал ключевые фрагменты китайских хроник, касающиеся военного дела и управления Монгольской империи, но и ввёл в научный оборот многие ранее неизвестные отечественным исследователям сведения о структуре чингизидской власти, в том числе о системе пайцз и ярлыков [1]. В свою очередь, исследования Т. Д. Скрынниковой, посвящённые комплексному изучению золотоордынских административных практик и их влияния на русские земли, позволили по-новому взглянуть на механизмы легитимации власти в Улусе Джучи, включая использование статусных знаков, выдававшихся от имени хана [2]. Современное состояние золотоордынской археологии и сфрагистики регулярно обсуждается на профильных конференциях, что свидетельствует о неослабевающем интересе к данным институтам [3]. Настоящее исследование развивает этот подход, предлагая целостную реконструкцию системы пайцз на основе системного анализа данных «Юань ши» и их проекции на ордынско-русские реалии.

Важным историографическим фундаментом для изучения пайцз в российской науке стал классический труд Доржи Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов» (1891), где автор, опираясь на данные восточных и западных источников, подробно рассматривает происхождение, типы и функции пайцз. Банзаров не только систематизировал сведения о пайцзах как знаках отличия и дорожных документах, но и впервые в отечественной историографии провёл лингвистический анализ термина, возводя его к китайскому «пай-цзы» (牌字) – «дощечка, табличка» [4, с. 62–63].

В первой четверти XXI в. в научный дискурс прочно вошла вербальная модель Монгольской империи как «глобализационной державы» [5]. Как отмечает Ю.В. Селезнёв, «надежного обоснования признаков, форм и закономерностей развития “монгольской глобализации” на данный момент не представлено», и перенос современных понятий на средневековую эпоху требует осторожности [5, с. 222–223]. Тем не менее изучение пайцз позволяет конкретизировать те институциональные стандарты, которые действительно имели общеимперское распространение, и тем самым внести вклад в дискуссию о характере и пределах «монгольской глобализации».

Среди многочисленных инструментов легитимации власти в Монгольской империи особое место занимает институт пайцзы (牌, pái) – металлической или деревянной пластины, выдаваемой чиновникам, военачальникам, послам и вассалам. Однако пайцза – это не просто «жетон» или «пропуск», а сложный социокультурный феномен, сочетающий в себе черты удостоверения личности, служебного знака, награды, ритуального талисмана и материализованного выражения доверия императора. Золотоордынские пайцзы являются феноменом официальной культуры, а их изучение позволяет проследить трансформацию символов власти от ранних монгольских практик к развитым формам имперской сфрагистики [6, с. 212].

2. Материалы и методы

Настоящее исследование на основе анализа 76 фрагментов «Юань ши» (включая анналы, трактаты о ритуалах, военных делах, чиновниках и наказаниях)¹ ставит следующие задачи:

¹ Юань ши [Электронный ресурс] // Chinese Text Project. Выборка фрагментов. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=862257&searchu=牌&remap=gb> (дата обращения: 24.09.2025).

провести типологический и функциональный анализ пайцз, выявить их иерархию, формы и контексты употребления; проанализировать эволюцию института пайцзы от раннего периода централизации до позднего периода кризиса легитимности; на основе сравнительного метода установить конкретные параллели с практиками Орды и средневековой Руси; сформулировать практические выводы для российской исторической науки, включая интерпретацию археологических находок, переосмысление летописных данных и понимание механизмов имперского управления. Цель исследования – показать, что пайцза была одним из ключевых символических и семиотических инструментов «технологии управления» Монгольской империи. Будучи сложным знаком, она материализовывала и визуализировала полномочия, позволяя координировать действия элит на огромном евразийском пространстве.

3. Результаты

Из 76 проанализированных упоминаний иероглифа 牌 (pái) в тексте «Юань ши» выявлена следующая семантическая структура. Пайцза как знак власти, полномочий или награды встречается 58 раз (76,3%). Административно-военная система 牌甲 (pái jiǎ) – 10 упоминаний (13,2%). Прочие значения (церемониальные бирки из слоновой кости, нагрудные украшения, указатели времени, маркировочные таблички на полях) – 8 упоминаний (10,5%). Данное исследование фокусируется на первой категории – пайцзе как инструменте политики и статуса.

На основе анализа фокусных 58 упоминаний можно реконструировать сложную и строго иерархизированную систему пайцз, которые функционировали не как простые удостоверения, а как материальные воплощения власти, ранга и доверия императора. Чёткая корреляция между материалом, формой, декором и статусом обладателя позволяет выделить несколько ключевых категорий.

Доминирующим критерием был материал изготовления. Золотые пайцзы (金牌, jīn pái), упоминаемые порядка 16 раз, служили атрибутом высшей военной и гражданской элиты империи. Как гласит источник: «Заместитель темника, один, ранг 4а, золотая пайцза», что указывает на их связь с высшими командными чинами. Наиболее могущественной разновидностью были круглые золотые пайцзы (金字圓牌, jīn zì yuán pái), изначально предназначавшиеся исключительно для чрезвычайных ситуаций: «Всем посланникам, [если дело] не касается срочных военных вопросов, не выдавать золотые круглые пайцзы». Серебряные пайцзы (銀牌, yín pái), фиксируемые примерно в 12 упоминаниях, маркировали среднее звено управления, выдаваясь тысячникам, сотникам и чиновникам соответствующего ранга.

Параллельно статусной существовала система функциональной специализации. Круглые пайцзы (圓牌, yuán pái) были институционализированы для экстренных полномочий, в первую очередь для ямской службы: «Посылка гонцов с круглыми пайцзами первоначально была создана для военных дел». Специализированные «соколиные» пайцзы (海青牌, hǎi qīng pái) предоставляли право доступа к ресурсам для охоты, а пайцзы по указу (宣牌, xuān pái) подтверждали высшую легитимность назначения, как в случае с управителем бюро: «Уже получивший [пайцзу] по указу, назначенный управителем бюро».

Наиболее показательной для понимания системы как тонкого инструмента власти является её внутренняя градация внутри высшей элиты. Ярчайший пример — создание личной гвардии наследника престола, где статус ранжировался с помощью жемчужных инкрустаций: командующий гвардией получал пайцзу с двумя жемчужинами (二珠金牌, èr zhū jīn pái), а его заместитель – с одной (一珠金牌, yī zhū jīn pái). Это создавало систему, аналогичную орденомским степеням, где деталь оформления была обозначением ранга внутри одной статусной группы. Также здесь следует отметить, что у этой системы пайцз отыскивается свое легитимное продолжение в более поздних институтах властных отношений, согласно исследованию А.В. Белякова, в постордынских государствах золотые и серебряные вислые печати, являвшие-

ся прямыми наследниками пайцз, стали «логичным этапом постепенной трансформации ханских ярлыков и пайцз», когда «в какой-то момент эти два предмета объединились в один» [7, с. 49]. Важно подчеркнуть, что пайцза была и ценным объектом материальной культуры. Упоминание о наличии в казнохранилищах тысяч специальных шнуров для ношения (牌绦, pái tāo) свидетельствует о массовом и стандартизированном производстве этих знаков отличия.

Ещё в XIX веке Доржи Банзаров, анализируя труды восточных историков и путешественников, выделил две основные функции пайцз, что полностью согласуется с нашей типологией: «одни были знаки отличия, и давались за важные заслуги; другие же – простые дорожные документы, открытые грамоты для чиновников, посланных куда-нибудь от хана» [4, с. 62–63]. Также «Юань ши» верифицируется в свидетельствах современников. Китайский дипломат Сюй Тин, посетивший монгольскую ставку в 1235–1236 гг., в своих «Подробных записках о монголо-татарах» сообщает: «Темники, тысячники и сотники подразделялись на высших, средних и низших. Темник носил золотую пайцзу с изображением тигра. Верх пайцзы был в виде припавшего к земле тигра, голова которого была украшена жемчужинами, при этом было или 3 жемчужины, или 2 жемчужины и 1 жемчужина – соответственно степени ранжирования темников. Тысячник носил простую золотую пайцзу, а сотник – серебряную пайцзу» [1, с. 211]. Гийом де Рубрук, посетивший ставку хана Мункэ в 1253–1255 гг., описывает высшую форму пайцзы как «золотую дощечку шириной в ладонь и длиной в пол-локтя, на которой выгравирован повелительный указ хана» [8, с. 145]. Марко Поло детализирует статусную градацию: сотник носил серебряную пайцзу, тысячник – золотую, темник – золотую с изображением львиной головы, а командующий ста тысячами – золотую с солнцем и луной [9, с. 66].

Данные отобранных фрагментов позволяют выделить пять ключевых функций пайцз, каждая из которых подкреплена конкретными историческими свидетельствами.

Первая функция – легитимация и наделение административной властью. Пайцза была обязательным атрибутом, инкорпорирующим чиновника или военачальника в имперскую иерархию. Её получение формализовало назначение, что прямо отражено в законодательных сводах: «Заместитель темника, один, ранг 4а, золотая пайцза». Монополия центральной власти на их производство и выдачу постоянно подчёркивалась, начиная с первых указов кагана Мункэ о изъятии пайцз, самовольно розданных князьями: «все печати и пайцзы, указы и предписания, самовольно выданные двором и всеми князьями, подлежали повсеместному изъятию».

Вторая функция – военная награда и стимул. Пайцзы выступали высшей формой поощрения за заслуги, что наиболее ярко иллюстрирует эпизод из цзюаня 151. Осаждённый командир Чжан Юаньчжэнь, исчерпав иные ресурсы, «временно изготовил золотые и серебряные пайцзы и роздал их для награждения отличившихся». Последующее признание им вины в «самовольном изготовлении пайцз» и помилование императором подчёркивает монополию трона.

Третья функция – дипломатическая и вассальная. Крупные партии пайцз выступали инструментом внешней политики. В цзюане 67 вождь Елюй Люгэ подносит хану «девятьсот повозок золота и монет и пятьсот золотых и серебряных пайцз».

Четвёртая функция – доступ к ресурсам имперской инфраструктуры. Жесткие санкции регламентировали использование пайцз для ямской службы: «Если у посланца нет документа с пайцзой, то чиновника станционной службы, который выдал лошадей, и первоначально поспавшего чиновника – всех наказывали». Исследования чингизидских канцелярий обращают внимание, что для обеспечения безопасности торговых путей назначались специальные должностные лица – «предводители караванов» (карвансалары), которые «фактически являлись представителями исполнительной власти» и действовали на основании ярлыков, скреплённых печатью, что напрямую перекликается с функциями держателей пайцз [10, с. 302–305].

Пятая функция – символ власти в условиях кризиса. В смутное время пайцза становилась оружием в борьбе за легитимность. Правительство выдало ополченцам «165 золотых и се-

ребряных пайцз офицерам ополчения», а мятежники изготавливали «поддельные печати, золотые пайцзы и прочие вещи».

Анализ эволюции института пайцз в империи Юань позволяет четко выделить три этапа его развития. На этапе централизации (середина XIII века) при каганах Мункэ и Хубилае пайцза служила инструментом укрепления верховной власти. Жесткая политика централизации выразилась в массовом изъятии знаков, самовольно розданных князьями. Этап систематизации и бюрократизации (XIV век) характеризуется учреждением специализированных государственных органов: Бюро верительных бирок и пайцз (符牌局) и Палаты императорских регалий (典瑞院). Пайцза окончательно интегрируется в бюрократический аппарат, становясь стандартизированным атрибутом должности. Этап кризиса и упадка (вторая половина XIV века) в правление Шунь-ди (Тогон-Тэмура) ознаменовался инфляцией статуса пайцзы: массовая раздача, дипломатическая девальвация, подделка и узурпация символа. Кульминацией становится описанный выше инцидент с Чжан Юаньчжэнь, самовольно изготовившим пайцзы.

4. Заключение

Анализ системы пайцз предоставляет российской исторической науке уникальные исследовательские возможности. Выявлены прямые институциональные параллели между китайской пайцзой и золотоордынской басмой (тамгой). А.Н. Самойлович прямо отождествляет термины «пайза» (кит.), «байса» (тюрк.) и «басма» (рус. летописное), доказывая, что это один и тот же институт [11, с. 1117–1120]. Русские летописи и ханские ярлыки свидетельствуют, что выдача басм как знаков полномочий была стандартной практикой. Организация ямской службы демонстрирует ещё одну институциональную параллель: право на получение подвод и провизии по пайцзе/басме было стержнем ордынской системы управления на Руси.

Археологические находки на территории России подтверждают эти параллели. В частности, в фондах Государственного исторического музея хранятся две пайцзы периода расцвета Золотой Орды, которые экспонируются как важнейшие свидетельства государственной символики [12, с. 660]. Эти артефакты – прямое материальное подтверждение того, что практика выдачи пайцз была распространена и в Улусе Джучи. Описание церемониальных япай в «Юань ши» даёт методологический ключ для интерпретации подобных находок. Не случайно на прошедшей в ноябре 2025 г. в Государственном Эрмитаже конференции, посвящённой 85-летию М.Г. Крамаровского, теме пайцз и статусных маркеров было уделено особое внимание [3, с. 961].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что пайцза в Монгольской империи была не просто удостоверением личности, а многофункциональным семиотическим инструментом, кодировавшим статус, полномочия и легитимность. Выявленная строгая корреляция между материалом, формой и декором пайцз и рангом обладателя демонстрирует высокую степень бюрократизации империи Юань. Эволюция института от централизации к кризису отражает общие тенденции развития имперской системы. Установленные прямые параллели с золотоордынской басмой и русской басмой позволяют рассматривать эти явления как единый имперский стандарт, что создаёт методологическую основу для переосмысления археологических находок и письменных источников на территории России. Вместе с тем, как подчёркивает Ю.В. Селезнёв, несмотря на активное использование понятия «монгольская глобализация», унификация статусных маркеров (таких как пайцзы) не сопровождалась созданием единого правового или информационного пространства, и поэтому перенос современных глобализационных моделей на средневековые реалии требует значительной корректировки [5, с. 222–223]. Дальнейшее изучение пайцз в сравнительной перспективе может внести вклад в реконструкцию механизмов интеграции различных элит в монгольскую имперскую систему.

Список источников и литературы

1. Абзалов, Л. Ф., Гатин, М. С., Мустакимов, И. А., Почекаев, Р. Ю. (2022). *К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв.* // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. С. 299–313.
2. Банзаров, Д. (1891). *Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова*. СПб.: изд. на средства частных жертвователей в пользу Восточно-сибирского отд. Русского географического общества.
3. Беляков, А. В. (2024). *О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств* // Золотоордынское обозрение. Т. 12, № 1. С. 48–62.
4. Болдырева, Е. М. (2021). *История формирования фондов Золотой Орды в хранении Государственного исторического музея* // Золотоордынское обозрение. Т. 9, № 3. С. 654–663.
5. Крамаровский, М. Г. (2002). *Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры* // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие. М. С. 212–224.
6. Поло, М. (2015). *Путешествие*. Улан-Удэ: Издательство БГУ.
7. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (1957) / редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы.
8. Самойлович, А. Н. (1926). *О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе. К вопросу о басме хана Ахмата* // Известия Академии наук СССР. VI серия. Т. 20, № 12. С. 1117–1120.
9. Селезнёв, Ю. В. (2022). *Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Т. 14. Вып. 2. С. 211–229.
10. Скрынникова, Т. Д. (2013). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. СПб.: Евразия.
11. Смирнова, Л. О., Теплякова, А. Н. (2025). *Обзор научной конференции в честь 85-летия М.Г. Крамаровского «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом»* // Золотоордынское обозрение. Т. 13, № 4. С. 959–962.
12. Храпачевский, Р. П. (2009). *Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники*. М.: Центр по изучению военной и общей истории.

References

1. Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). *K istorii obespecheniya bezopasnosti torgovykh putei v chingizidskikh gosudarstvakh XIII–XIV vv.* [New Historical Insights on Protection of the Trade Routes in Genghisids States, 13th to 14th Century] in *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*, 14, 299–313. (In Russian).
2. Banzarov, D. (1891). *Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i Dordzhi Banzarova* [Black Faith or Shamanism among the Mongols and Other Articles by Dorji Banzarov]. St. Petersburg. (In Russian).
3. Belyakov, A.V. (2024). *O traditsii ispol'zovaniya vislykh metallicheskh pechatei v kantselyariyakh Zolotoi Ordyy i postordynskikh gosudarstv* [On the Tradition of Using Hanging Metal Seals in the Offices of the Golden Horde and Post-Horde States] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 12 (1), 48–62. (In Russian).
4. Boldyreva, E. M. (2021). *Istoriya formirovaniya fondov Zolotoi Ordyy v khranении Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The History of the Formation of the Golden Horde Funds in the State Historical Museum] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 9 (3), 654–663. (In Russian).

5. Kramarovskii, M. G. (2002). *Simvol'y vlasti u rannikh mongolov. Zolotoordynskie paitszy kak fenomen ofitsial'noi kul'tury* [Symbols of Power among the Early Mongols. Golden Horde Paizi as a Phenomenon of Official Culture] in *Tyurkologicheskii sbornik 2001. Zolotaya Orda i ee nasledie*. Moscow, 212–224. (In Russian).
6. Polo, M. (2015). *Puteshestvie* [The Travels]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ. (In Russian)
7. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Eastern Countries of Plano Carpin and Rubruck] (1957) / ed. by N.P. Shastina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. (In Russian).
8. Samoilovich, A. N. (1926). *O «paiza» – «baisa» v Dzhuchievom uluse. K voprosu o basme khana Akhmata* [On "Paiza" – "Baisa" in the Jochid Ulus. On the Question of Khan Akhmat's Basma] in *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. VI, 20 (12), 1117–1120. (In Russian).
9. Seleznev, Yu. V. (2022). *Diskurs «globalizatsii» v otnoshenii istorii Mongol'skoi imperii i Zolotoi Ordy* [The Discourse of "Globalization" in Relation to the History of the Mongol Empire and the Golden Horde] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 14 (2), 211–229. (In Russian).
10. Skrynnikova, T. D. (2013). *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and Power in the Era of Genghis Khan]. St. Petersburg: Evraziya. (In Russian).
11. Smirnova, L. O., Teplyakova, A. N. (2025). *Obzor nauchnoi konferentsii v chest' 85-letiya M.G. Kramarovskogo «Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Mezhd Vostokom i Zapadom»* [Review of the Scientific Conference in Honor of the 85th Anniversary of M.G. Kramarovsky "The Golden Horde and the Black Sea Region. Between East and West"] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 13 (4), 959–962. (In Russian).
12. Hrapachevskii, R. P. (2009). *Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 3. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoi i obshchei istorii. (In Russian).